

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОМПАРАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ И ИХ ЭЛЕМЕНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ

Н. А. Николина¹, З. Ю. Петрова², Н. А. Фатеева²

¹ Московский педагогический государственный университет

119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, 1

² Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

119019, Россия, Москва, ул. Волхонка, 18/2

Поступила в редакцию 23.03.2021 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2021-3-7

Рассмотрено взаимодействие компаративных конструкций в современных прозаических текстах. Цель работы – определение типов взаимодействия метафор и сравнений, функционирующих в текстах современной русской прозы. Материалом для исследования служат произведения Ю. Буйды, Е. Водолазкина, А. Иванова, А. Иличевского, А. Матвеевой, В. Пелевина, Д. Рубиной, О. Славниковой, С. Соколова, В. Сорокина, М. Степновой и др. При анализе использовались методы описания, сопоставления, структурно-семантический метод, при этом учитывалась полевая организация лексических единиц. Разграничивается формальное и семантическое взаимодействие метафор и сравнений. Наиболее ярким проявлением формального взаимодействия служит «обратимость тропов». Семантическое взаимодействие базируется на смысловом согласовании элементов компаративных конструкций на основе предикатно-актантных отношений или предполагает сочетание в тексте метафор и сравнений на основе различных отношений между элементами одного семантического поля. Наряду с указанными типами взаимодействия в статье описаны случаи множественности образов сравнения одного изображаемого объекта и изображения разных предметов речи в одном словесно-образном ключе. Эти случаи характеризуются как особый тип взаимодействия компаративных тропов. Выделены основные области-источники взаимодействующих тропов. Наиболее частотными семантическими классами метафор и сравнений, употребляемых в контекстах взаимодействия, являются антропоморфные, зооморфные и кулинарные образы. Кроме них отмечаются механистичные (в том числе компьютерные), научные и театральные метафоры и сравнения. Показано, что взаимодействие тропов может носить в художественном тексте интertextуальный характер. Делается вывод, что для современной русской прозы характерно обращение к взаимодействию метафор и сравнений разных типов. Это взаимодействие часто связано с наличием в тексте контраста, контекстуальной синонимии, родо-видовых отношений между образами сравнения компаративных конструкций.

Ключевые слова: *метафора, сравнение, компаративная конструкция, взаимодействие, формальное взаимодействие, семантическое взаимодействие, область-источник, современная русская проза*

1. Введение

Несмотря на большое количество работ, посвященных семантике и типологии метафор, остаются недостаточно изученными вопросы их взаимодействия в художественной речи. Проблеме взаимодействия метафор в контексте посвящены немногочисленные исследования. Согласование метафор обыденного языка рассматривается в книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона (2007, с. 120–138), сочетаемости метафорических моделей в политическом тексте посвящена работа А. Н. Баранова (2003), соотнесение метафор и сравнений в стихотворном тексте на основании различных семантических связей между ними является предметом работы Н. А. Кожевниковой (2009, с. 467–471), некоторые случаи взаимодействия образных парадигм в поэтическом языке отмечаются в книге Н. В. Павлович (2004), классификация случаев взаимодействия компаративных тропов разных образных полей в зависимости от степени их семантической связности представлена в работе (Петрова, 2001). В диссертации С. В. Лопаткиной «Контекстуальное взаимодействие тропов в современном русском литературном языке (на материале художественной и публицистической речи)» предпринята попытка выделить структурные типы взаимодействия тропов, в связи с этим выделяются контаминация и конвергенция тропов. Под контаминацией понимается «наложение (или вставка) одного тропа на другой (в другой)», под конвергенцией — «последовательное соединение (сцепление) тропеических средств» (Лопаткина, 2004, с. 14). Однако в этой работе недостаточное внимание уделено семантическому аспекту взаимодействия тропов.

Цель данной статьи — рассмотреть типы семантического и формального взаимодействия образных средств в современной русской прозе. В статье анализируются компаративные конструкции, к которым относятся метафоры и сравнения разных типов. Взаимодействие конструкций, в отличие от простого соположения в тексте, предполагает их взаимообусловленность и семантическую соотнесенность.

Для анализа привлекаются метафоры и сравнения, извлеченные из текстов произведений Ю. Буйды, Е. Водолазкина, А. Иванова, А. Иличевского, А. Матвеевой, В. Пелевина, Д. Рубиной, О. Славниковой, С. Соколова, В. Сорокина, М. Степновой, Г. Яхиной и др.

Для современной прозы характерно регулярное взаимодействие в одном контексте метафор и сравнений разных типов, при этом возникают объемные тропеические конструкции. См., например, описание состояния после завершения одного романа и перед написанием нового в книге Д. Рубиной «Одинокий пишущий человек»: «Я тяжело вздохнула: в тот момент я, можно сказать, валялась у подножия горной гряды, как поверженный демон. Я только-только скатилась с высокой скалы, подсчитывая ушибы и синяки, надеясь подлатать драные крылья. У меня ни сил не было, ни нужного снаряжения, ни творческого запала — тащиться к новому восхождению на ледник...»; «Творчество — это чистилище, а порою и настоящий ад, где ты ежедневно, схватив за вздыб-

ленный клочок волос на макушке, окунаешь и окунаешь себя в расплавленную магму геенны огненной; где с тебя клочьями слезает шкура, отшелушиваются язвы и струпья и откуда ты выползаешь чуть живой, но, мнится тебе, очищенный и иной, чем прежде».

Взаимодействие метафор и сравнений в современной прозе может носить как формальный, так и семантический характер. Оно может проявляться и в изображении разных предметов речи «в одном словесно-образном ключе» (Кожевникова, 2009, с. 455), а также во множественности образов сравнения одного изображаемого объекта.

2. Формальное взаимодействие метафор и сравнений

В современной русской прозе часто встречается формальное взаимодействие различных образных средств. Под ним понимается варьирование одного образа посредством разных типов его формального выражения. Один из типов такого варьирования — трансформация сравнения в метафору. Этот тип взаимодействия был определен Н. А. Кожевниковой как «обратимость тропов» (Кожевникова, 1979). См., например: «Наш сосед по столику, пожилой мужчина в вязаной шапочке-петушке, *похожий на бассета*, запивал пирожок с вишней водой из литровой банки. <...> Попрощавшись с “*бассетом*”, мы вышли на улицу и заговорили о людях в эпоху перемен» (Ю. Буйда. Стален); «Ты куда теперь, Алфеева я спросил. Рассуждает: Россия-матерь огромна, игрива и *лает, будто волчица во мгле*, а мы ровно блохи скачем по ней, а она по очереди выкусывает нас на ходу, и куда лучше прыгнуть, не разберешь, ау, никогда. <...> Облокотились взаимно мы на прощанье, облобызались — прощай-ка, не свидимся, преогромна *волчица* — раскинулась» (С. Соколов. Между собакой и волком).

Другой тип варьирования — переход сравнения или субстантивной метафоры в атрибутивную (адъективную) метафору: «Докторша была похожа на пирожное *безе* — круглая, белая и словно склеенная из двух сахаристо хрустывающих легких половинок. Это что же это за кукла такая ко мне пришла, — затянула она сладким, тоже *безейным* голосом опытного педиатра, присаживаясь перед Лидочкой на корточки» (М. Степнова. Женщины Лазаря); «...все заросло, подернулось битым стеклом, которое на солнце становилось жгучим и сверкало в бурьяне, а на дальних склонах переливалось и дробилось, будто пролитая *ртуть*. *Ртутное*, дурное марево поглотило прошлое Софьи Андреевны...» (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки). Одновременно наблюдается и обратный переход: «Мрачновато граф губу нижнюю оттопыривает, на нас *волчьими* глазами косится. *Волк* и есть. Токмо *загнанный*» (В. Сорокин. День опричника).

В адъективную метафору также может переходить глагольная: «Курам — ходить по песку, удивленно *печата*я своими курьими ножками. Не любить этих птиц, но любить наблюдать, как *печатают* на мокром песке, не подозревая об этом; и ни о чем. <...> ...ступить на убитую детскими играми и *печатными* курьими ножками дворовую твердь» (С. Соколов. Между собакой и волком).

Кроме того, сравнение, выраженное именем существительным, может трансформироваться в сравнение-наречие: «Маргаритина ветхая свекровь, тонконогая и горбатая, будто *комарик*, с востреньким носом, словно нарочно приделанным для пущего сходства. <...> Катерина Ивановна не хотела идти и снова смотреть, как старуха, *по-комариному* виясь вдоль стены, пробирается в туалет, снова лежать в ее затхлой комнате без сна, зная, что и старуха не спит и тоже глядит в потолок, на неясные полосы призрачного света (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки).

В современной прозе встречаются и более сложные случаи формального взаимодействия образных средств. Так, в романе А. Матвеевой «Есть!» оба компонента исходного сравнения *как перепелиное яйцо* поочередно посредством эллипсиса трансформируются в метафору: «Я заискивающе улыбнулась одному из пареньков, конопатому, как *перепелиное яйцо*, но *яйцо* даже не подумало вернуть мне улыбку. <...> Не узнала меня многолетняя мамаша и ее *перепелиные* дети» (А. Матвеева. Есть!).

3. Семантическое взаимодействие метафор и сравнений

К семантическому взаимодействию компаративных тропов мы относим следующие случаи: (а) семантическое согласование элементов компаративных конструкций на основе предикатно-актантных отношений и — шире — моделирования ситуации реального мира; (б) сочетание в тексте метафор и сравнений на основе различных отношений между элементами одного семантического поля.

(а) Наиболее часто встречается взаимодействие субстантива в составе компаративного тропа и метафорического предиката, имеющих общий семантический компонент: «Глеб подумал, что Гурвич — интеллектуальный *уголовник*. Он *взломал* традицию, как сейф» (*уголовник — взломать*) (А. Иванов. Комьюнити); «и в ней самой начинало *бродить*, как *квас*, необъяснимое чувство, нечто между сладко, больно и завидно...» (*квас — бродить*) (Д. Симонова. Настройщик); «Распрекрасно снаружи — родина. Вроде — *мать*, но хитра поразительно, *охмуряет*» (*мать — охмурять*) (С. Соколов. Между собакой и волком).

Наряду с субъектно-предикатными отношениями наблюдается взаимодействие тропов, основанное на предикатно-объектных отношениях. См., например: «Воспитывал отец, *начинял* его, как *рождественского гуся*, тем, что сам считал разумным и съедобным» (М. Степнова. Безбожный переулочек); «*Зачертнул* я, читайте, *сивухи* страстей человеческих, *отведал* гнилья злообразных обманчивых жен, и отравы едва не придумала меня» (С. Соколов. Между собакой и волком); «Вновь стали оживать легенды о самородном золоте на речке Кыльве, богатом сотню лет назад, но исчезнувшем в одночасье, дающем знать о себе лишь желтым металлическим отсветом речной поверхности, которую, точно *ногтем шоколадную фольгу*, *воцпил* и *гладил* жесткий ветерок» (Славникова. 2017).

Взаимодействие метафор и сравнений в современной прозе моделирует определенную ситуацию, имеющую место в реальном мире, и переводит ее в образный план. Участниками этой ситуации могут быть:

- лица: «В Крыму бывает переломный день, когда особенно спится. Море приобретает свинцовый тон, небо склоняется над ним, как родня над тяжелобольным: все шло тихо, и думалось, обойдется, как вдруг он за ночь стал другим существом, в котором идут иные процессы» (Д. Быков. Остромов, или Ученик чародея);

- животные: «Ты куда теперь, Алфеева я спросил. Рассуждает: *Россия-мать огромна, игрива и лает, будто волчица во мгле, а мы ровно блохи скачем по ней*, а она по очереди выкусывает нас на ходу, и куда лучше прыгнуть, не разберешь, ау, никогда (С. Соколов. Между собакой и волком);

- предметы: «Вообще, у меня имелось верное средство борьбы с любовью душевной горячкой. Я ее выхаживал, в прямом смысле. Я вымерял ее шагами по Москве. Случалось, требовалось три дня беспрестанной ходьбы, чтобы усмирить, *намотать клубок бешеных мыслей на катушку безучастного пространства*» (А. Иличевский. Ай-Петри); «Петушинокрасный блин солнца уже наполовину *окунулся в сметану* вечерней мглы» (А. Иванов. Золото бунта);

- объекты неживой природы: «Я ведь любил Петербург бесконечно. Возвращаясь из других мест, испытывал острое счастье. Его гармония противостояла в моих глазах хаосу, который пугал и расстраивал меня с детства. Я сейчас не могу как следует восстановить событий моей жизни, помню лишь, что, когда меня захлестывали *волны* этого хаоса, спасала мысль о Петербурге — *острове, о который они разбиваются...*» (Е. Водолазкин. Авиатор); «Он чуял, что совпавшая поначалу с созреванием его сознания *волна* нового времени скоро *разобьется о скалу* будущего, не одолеет берег — и новая эпоха не начнется (А. Иличевский. Анархисты).

(б) Взаимодействие тропов в современной прозе основывается на развертывании в тексте единиц одного семантического поля. Это проявляется, во-первых, в объединении в одном контексте ряда видовых наименований изображаемых объектов: «Понимаешь, в жизни одни события уравниваются другими. Одна и та же мелодия может прозвучать вначале в *миноре*, а затем в *мажоре*. Или наоборот» (Е. Водолазкин. Брисбен), «Единственная ее отрада и утешение лежало в кармане кульмэк. Зулейха с благодарностью вспоминала тот миг, когда в вагоне под мерный перестук колес ей явилась смерть — легла в ладонь тяжелым и острым по краям куском сахара; с тех пор всегда была рядом, как верный *друг* или преданная *мать*» (Г. Яхина. Зулейха открывает глаза).

Видовые обозначения могут вступать в тексте в отношения контраста: «Орли не сочеталась со Славой. Слава был простоватый и некрасивый, округлый и мягкий, как *матрас*, — в общем, никакой. А Орли — упругая, как *боксерская перчатка* (А. Иванов. Комьюнити); «Взmaterел я и выстарел, залоснился и вытерся, как в обиходе хомут. *Третий калач* прошлогодний я сделался, мозоль и хрящ, а не вечер ли был *сдобой*» (С. Соколов. Между собакой и волком); «— Ангара — она ведь как... — матрос, польщенный вниманием приезжего командира, оставляет свое занятие, поворачивается к Игнатову, продолжает втолковывать свое: — ...кому — *мать*, кому — *сестра*, кому — *мачеха*. А кому и вовсе — *могила*» (Г. Яхина. Зулейха открывает глаза).

В рамках семантического поля взаимодействующие метафоры и сравнения могут быть объединены отношениями контекстуальной синонимии: «колонны свинцовых кассет, собравших двадцатилетний урожай *сообщений* Вселенной — *речений* мироздания, пронизавших фотозмульсию космическими ливнями, вызванных ударами разогнанных взрывчатым рождением мира частиц» (А. Иличевский. Чертеж Ньютона); «Тайга... душила, давила, пытала, убивала — и в то же время *воскресала, вылуплялась, выпрастывалась, прорывалась* сквозь вековой гнет» (А. Иванов. Тобол).

В текстах современной прозы взаимодействующие тропы также могут представлять соотношения родового и видового обозначений, т.е. вступать в отношение «гипероним — гипоним». Например, *хищник — гепард*: «Самолет выруливает на взлетную полосу, приостанавливается, но мотор тут же резко увеличивает обороты. Рыча и сотрясаясь от нетерпения, машина в одно мгновение набирает скорость. Так ведет себя на охоте *хищник* — дрожит, поводит хвостом. Не сразу вспоминаю, кто именно. Кто-то из семейства кошачьих — какой-нибудь, допустим, *гепард*» (Е. Водолазкин. Брисбен); *птица — журавль, жар-птица*: «В отличие от Кати, Глеб в квартире орнитологов никогда не жил, и сидящие на полках птицы его удивляли. <...> Впрочем, наибольшим удивлением в этой квартире была для него другая *птица* — Катя. Возможность дотронуться до ястреба или горного орла не рождала в Глебе и малой доли того счастья, которое он испытывал, касаясь нежной Катиной шеи. Она была *журавлем* в небе, который неожиданно спустился к Глебу в руки и не обнаруживал ни малейшего желания улетать. Просыпаясь по утрам, Глеб испытывал мгновенный страх, что счастье лишь приснилось, а его *жар-птица* улетела» (Е. Водолазкин. Брисбен).

Кроме того, взаимодействующие метафоры и сравнения могут соотноситься по принципу «единичный объект — множество (совокупность)»; см., например: «Истина — та сущность, что открыто прорастает в мир. Ложь — обрезанная *сухая ветка*. XX век — груда такого *валежника*: идеологий, фундаментализмов и т.д.» (А. Иличевский. Чертеж Ньютона).

Различные компаративные конструкции, объединенные общим семантическим компонентом, могут использоваться как лейтмотив текста или его композиционной части. Так, в 46-й главе романа А. Иванова «Географ глобус пропил» как рефрен повторяются, сменяя друг друга, метафоры «душа моя *замерзает*», «душа моя — *ледяной истукан*», «душа моя *ледяная*», «и *лед* в моей душе тает».

Исходная метафора в современных прозаических текстах задает серию следующих образных средств того же поля. Например, в романе Д. Рубиной «Бабий ветер» метафора *семейный кораблик*, относящаяся к образной параллели «жизнь — плавание», служит далее источником метафор *паруса* и *матрос*: «Каким образом так слаженно плыл этот троякий *семейный кораблик* по волнам жизни...? <...> В конце концов, однажды ночью, шлепая босиком в туалет, я наткнулась на этих двоих. Они бурно отдыхали на довольно узком диване: в темноте колыхались

голубовато-белые *паруса* теть-Таниных грудей, под которыми бился и захлебывался однорукий *матрос*, идущий ко дну...» В романе О. Славниковой «2017» подобной исходной метафорой служит обозначение *эфемериды*, которое затем «поддерживается» рядом образных средств той же тематики: «Сдать Анфилогову экзамен было возможно только при условии знания лекций, никак не заменяемых библиотекой и представлявших собой концентрированный коктейль из источников, чей рецепт словно бы содержал особый фирменный секрет. Факультетские *эфемериды*, бледные нежные прогульщики, на которых скука анфилоговских лекций действовала наподобие *хлороформа*, накануне зимней сессии восполняли свое отсутствие сложнейшей *мимикрией* — но практически все погибали в ледяной экзаменационной комнате, где профессор сидел в угловато накинutom пальто, цокая белыми ногтями по столу».

4. Соотношение образов и предметов сравнения

Взаимодействие метафор и сравнений в современных текстах проявляется и в использовании одного образа сравнения при характеристике разных объектов или персонажей. Например, в романе А. Иванова «Пищеблок» сравнение *как (точно) черви* встречается как при описании пионеров-пиявцев, так и страгилага Серпа Ивановича: «Копошась, как черви, пиявцы опять облепили окно» — «Губы его [Серпа] шевелились, точно черные черви». Одновременно наблюдается использование различных образных средств при характеристике одного изображаемого объекта. Например, в романе С. Соколова «Между собакой и волком» Волга получает множество разных образных соответствий: «Что такое, что это, словно бы, засветилось там тусклово так, словно бы, *тля блудящая* на кладбище Быдогощ? Что засквозило в чапъжниках *се-ребром* наподобие как бы того, как сквозит *алюминиевый котелок* твой недраенный в прорехах нештопаной сумы твоей? Что это там полыхнуло кубовым холодным огнем, будто бы из-под купецкой полы на базаре *сосуд гусь-хрустальный с сиволдаем* бесценным в очи твои суховатые полыхнул? Что это там развевается впереди *сарафанной рюшью*, плещется *тещиным языком*? Что да что, ишь — чевокалка какой выискался, беда мне с тобой. Волчья река это, паря, твоя родня». Несмотря на то что метафоры и сравнения, характеризующие один объект, относятся к разным семантическим классам, они могут ассоциативно сближаться в тексте: «Сторожу любимую, пылинки с нее сдуваю, а порой придушить хочу. Первые месяцы держал взаперти, к тебе за лекарствами бегал. Окрепнув, билась, как *мотылек* в ладони, тут твердость была нужна, и я не разжал, не дал слабину. Тебя благодарить надо, помогло твое лечение. Да и Турчину я благодарен — у него выспрашивал: как наркологи лечат? Он давал рекомендации, я был прилежен. Ты же видел, она преобразилась, родилась заново, подобно *сухой веточке, отломанной от перекати-поля, опущенной в воду*» (А. Иличевский. Анархисты). Опорные слова сравнений *мотылек* и *сухая веточка* ассоциативно объединены смысловыми признаками 'хрупкость', 'беззащитность'.

5. Основные области-источники взаимодействующих метафор и сравнений

Взаимодействие тропов в современной прозе связано с разными областями-источниками. Наиболее частотны в ней в контекстах взаимодействия антропоморфные образы. Это, во-первых, олицетворение разных реалий в одном контексте: «Покинув метро, оказались на дорожке, выложенной из бетонных квадратов. Я впервые проходил этот отрезок пути пешком. Слева тянулся ряд некрашенных гаражей, а справа — пустырь с посаженными по линейке чахлыми березками. Среди засохшей, со следами автомобильных колес, грязи эти *березки* не радовали глаз. Жизнь их была мучением. Их *убогое кокетство* было безотраднее ржавчины *гаражей*: те, по крайней мере, ни на что не претендовали» (Е. Водолазкин. Авиатор); «Мы прокрадываемся в Пузырек и заглядываем за плечо отца, откинувшегося на спинку стула; он грызет карандаш, шурясь на раскрытые книги, в которые *всматривается* настольная лампа, уже *прочитавшая* подле себя веер листов, покрытых крупным неряшливым почерком. Перед нами *верстак*, отцов лучший друг... *Стол* кормил своего хозяина сытно и экономно... <...> *Стол* следит за нами хмурясь, *недовольный* нашим любопытством (А. Иличевский. Чертеж Ньютона).

Во-вторых, в контексте может быть представлено несколько олицетворений одного объекта: «*Старчески сопя* и *немошно напрягаясь*, пароходик дотащился до Таганрога только к вечеру» (Улицкая. Медя и ее дети); «Город [Петербург] стоял, как *обделавшийся старик*. ...Он *горячо стремился к новой жизни, поспешая*, разваливаясь на ходу, *напяливая кумач*, за месяц готовясь к празднеству, приспособливая академии под санатории для настрадавшегося пролетариата, было всего большее для тех, кто помнил его прежним. <...> Если бы он выбрал роль призрака, запущенного *безумца*, *вечно бормочущего о собственном прошлом!* Но он был городом и не мог быть ничем, кроме; он *согласился на роль* второй столицы, *забыв* или *заставив себя забыть*, что второй не бывает. Он мнил еще *поспорить* с этой дурой, азиаткой, отомстившей окончательно и бесповоротно; он *отказывался понять*, что история свернула на ее охотнорядский путь, круглый, как она сама, как гнездо, плаха, боярское пузо. Он все еще верил, что протащит в образчики тиранства не самоцельное зверство Ивана, но созидательную ярость Петра. И потому он *лихорадочно одевался в кумач*, сдавал дворцы беспризорникам и партизцам, со *старческой стыдной поспешностью* встраивался в новую жизнь, *всем видом говоря: смотрите, и я тоже!* <...> Должно быть, осенними ночами он *сам уговаривал себя* — так же униженно, как все, согласившиеся выжить под игом; и как знать — может, *был прав*, ибо, послужив победившему скотству, он перестоял и его, — а все-таки в двадцать пятом году смотреть на него было тяжело» (Д. Быков. Остромов, или Ученик чародея).

В контексты такого взаимодействия образов в тропеических конструкциях в качестве персонификаторов часто включаются названия

частей тела человека: «Низкая, набухшая под линзой атмосферы, розовая, вся в *мимических морщинках*, луна выпуталась из сизых косм и озарила внизу чудовищную картину шторма» (А. Иличевский. Ай-Петри); «Потом опять слева блеснул *плешью* камень Лысан с обгорелыми *бровями* и вислыми *щеками*, которые сплошь заросли рыжей *щетиной* мха» (А. Иванов. Золото бунта); «Скоро береза начинает вздрагивать сильнее, *стонать* громче. Выеденная топором в стволе *рана* похожа на распахнутый в немом крике *рот*. ...Береза с громким прощальным стоном рушится оземь, поднимая в небо облака снежной пыли» (Г. Яхина. Зудейха открывает глаза).

Кроме обозначений частей тела, в контекстах взаимодействия персонажирующих тропов встречаются в роли персонафикаторов названия предметов, с которыми человек непосредственно связан в реальной жизни, чаще всего — одежды, головных уборов, других изделий из тканей: «Деревьям, напаявшим *дранные фраки* сумерек, — качаться, махать руками в подражание дирижерам, пугалам и людям от ветряков — мукомолам» (С. Соколов. Между собакой и волком); «Гора впереди словно в пляске *мотала* каменным *сарафаном*, *колыхала складками* и *топотала* по реке, брызжа прибоем» (А. Иванов. Золото бунта).

Еще один семантический класс, объединяющий образы сравнений компаративных конструкций, вступающих во взаимодействие, — зооморфные образы.

Они, так же как и антропоморфные образы, могут распространяться на разные предметы изображения. Например, в романе Д. Быкова «Остромов, или Ученик чародея» метафоры и сравнения, прямые значения которых группируются вокруг слова *свинья* (*свинячий нос*, *что-то свинячье*, *свинки*, *свинопас*, *свиноподобный*, *хрюк*), характеризуют разных персонажей: «Прихватив несессер, скользнул в ванную; мимо, по коридору, с важным сопением прошагал соседский второстепенник, *свинячий нос*, уши торчком»; «— Просят, — сказал красноармеец в лучших старорежимных традициях. Он парень был простой, и тоже *что-то свинячье*. Они все были теперь немного *свинки*: врут, что свиньи наглы. В чертах свиньи есть нечто робкое, умильное: вот, я накушалась. Им разрешили накушаться, и они робко щурятся: ведь можно? Не зарежут еще? Дурить их было просто до изумления. Остромов чувствовал себя немного *свинопасом*, только принцесса запаздывала»; «Юный *хрюк* зарозовел, зародовался. Все они так были падки на дешевую хвалу, что чудо» — и не только лиц, но и предметы: «Топорностью и цветом табурет был также *свиноподобен*».

Разные зооморфные образы могут характеризовать одного персонажа, зачастую они выбираются писателем так, что вызывают сходные ассоциации, обладают одинаковой оценочностью, выдержаны «в одном ключе». Так, Зарецкий в романе Е. Водолазкина «Авиатор» описывается с помощью метафор и сравнений *червь*, *гнида*, *земноводное*, *рептилия*, *мокрица*: «Можно было бы сказать, что Зарецкий одинок, если бы это слово передавало происходящее с нашим соседом. Одинок ли в стволе древесный червь? А ведь было в нем *что-то от червя*. Гибкость, мяг-

кость. Способность принимать температуру окружающей среды»; «Я подошел к двери Зарецкого и дернул за ручку. Она оказалась запертой изнутри на крючок. Я дернул ее двумя руками, и крючок слетел. Зарецкий сидел, сложив руки на столе. Стол был чист, на нем не было даже колбасы. — Я убью тебя, *гнида*, — сказал я негромко. — Убьете пролетария — пойдете под суд, — так же негромко ответил Зарецкий. В его словах не было вызова, скорее — скорбь. Сидел неподвижно, и только на скуле дергался желвак. *Земноводное. Скорбная рептилия*»; «Этот рисунок потряс бы меня, даже если бы я ничего не знал о Зарецком. Но я ведь знаю — и рисунок потрясает вдвойне. Он освобождает Зарецкого. Избавляет от его страшной роли — быть *мокрицей*» (Е. Водолазкин. *Авиатор*).

Так же, как названия частей тела человека в случае взаимодействующих персонажирующих тропов, названия частей животных участвуют в создании зооморфных образов, например *лапки* — *обезьяна*: «Тельце соседки выделялось под простыней только острым холмиком укрытых ступней, узловатые *лапки* были на груди связаны бинтом, и после смерти злыдня более всего походила на *обезьяну*» (О. Славникова. *Стрекоза, увеличенная до размеров собаки*); *слизень* — *тело, вены, родимые пятна*: «Велика страна, где живет Зулейха. Велика и красна, как бычья кровь. Зулейха стоит перед огромной, во всю стену, картой, по которой распласталось гигантское алое пятно, похожее на *беременного слизня*, — Советский Союз. ...Он кажется действительно необъятным — и двум людям не обхватить, не то что Зулейхе. По его брусничному телу извиляются синие *вены* рек (есть ли среди них родная Чипшэ?), *родимыми пятнами* чернеют города и села (кто бы показал, где Юлбаш?)» (Г. Яхина. *Зулейха открывает глаза*); *медведь* — *плечи, лапы, хребет*: «Иза высоких лесов медленно вылезала серая громада Разбойника. Казалось, он перегородил Чусовую от берега до берега. Он все рос, подымался, глыбился, будто *медведь*, что выбрался из берлоги и расправляет *плечи, лапы, хребет*» (А. Иванов. *Золото бунта*).

Следующий по частоте употребления в современных прозаических текстах семантический класс лексических единиц, на основе которых происходит взаимодействие метафор и сравнений, — это «Кулинария». Лексемы этого семантического класса порождают контексты, в которых образные словоупотребления соотносятся на основе отношения «блюдо — его часть, ингредиент». Подобные сочетания метафор и сравнений могут характеризовать персонажа: «Белки у него [красноармейца] мутные, как *овсяная затируха*, а зрочки мелкие, *комочками*» (Г. Яхина. *Зулейха открывает глаза*), «По коридору, покачивая спортивной сумкой, шел бог. Он был весь из *меда, золота и молока. Из темного меда, теплого золота и топленого молока. Как ульмский торт*, потрясенно подумала Лидочка» (М. Степнова. *Женщины Лазаря*), природу: «Утренний снежок покрыл кучи щепы и опила, растащенные ногами по всему плотбищу, — будто *окрошку* забелил *молоком*» (А. Иванов. *Золото бунта*).

В некоторых контекстах создается развернутая картина приготовления определенного блюда, включающая, помимо названия самого блюда и его ингредиентов, еще и обозначение кулинара и его дей-

ствий, а также кухонной посуды: «И далекое небо тоже было беспокойное, заляпанное темным *ржаным тестом* весенних туч. С лихорадочной поспешностью и гневом, как *взбалмошная баба*, ветер *месил* это *тесто* и *рвал на куски*, *швырял* куда-то прочь — за окоем, как под стол, и плакал дождями *от какой-то досады*. Потом снова *сыпал муку* последнего снега, разбивал *сырое яйцо* солнца, лил *скисшее молоко* холодных туманов. Вечером что-то пеклось *на красной сковородке* заката, и теплый пар заволакивал распадки. А наутро в небе над корявой грудой камня Каменского, что торчал из ломкой глазури наста, горделиво плыли пухлобокие *пасхальные куличи* облаков» (А. Иванов. Золото бунта).

Помимо рассмотренных выше трех основных семантических классов образных средств, активно включающихся в конструкции взаимодействия метафор и сравнений, — зооморфных, антропоморфных и кулинарных образов, — сочетания тропов в современной художественной прозе образуют и элементы других семантических классов, среди которых можно отметить такой класс лексических средств, как «Механизмы, техника» (в частности, компьютерная техника). См., например, контекст из романа А. Иличевского «Анархисты», в котором социум уподобляется управляемому механизму: «— В том-то и дело! Ужас в разомкнутости, разобщенности частей общества, через которые должен быть проложен системный путь реакции. Рабочий неспособен сочувствовать чиновнику. Чиновник неспособен сочувствовать продавцу или таксисту. Научный работник абстрактен для нефтяника. Полицейский и водитель-дальнобойщик предельно абстрактны друг для друга. Кроме *отсоединенности периферической системы управления* есть не меньшие *проблемы с центром обработки сигналов*. Проблема в его принципиальном бесчувствии. Если мозг лишь только приказывает частям тела, не реагируя на их *обратные сигналы*, то рано или поздно он утрачивает с ними какую бы то ни было связь по причине их физического уничтожения. Мы — тело социума — неспособны испытывать боль, и, следовательно, у нас нет *механизма запуска инстинкта самосохранения*».

Взаимодействующие метафоры, образованные на основе компьютерных терминов, — особенность романа А. Иванова «Комьюнити»: «Бобса не смущало, что Кабуча — любовница Глеба. К Глебу, который трахает Маришу, Борька относится как к *пользователю*, который уже использует ту *программу*, которую присмотрел себе он сам. *Программа* не будет хуже, если ее *поюзают* оба юзера. И они друг другу не враги»; «Глеб поглаживал Маришу по голове и думал, что бесчеловечность смерти Льва Гурвича не в жестокости или несправедливости, а в некой *компьютерности*, в точности композиции и в отсутствии женских слез. Никто Гурвича не оплакивал, ни Орли, ни Мариша. Наверное, если бы смерть Гурвича можно было проверить тестом Тьюринга, тест показал бы, что эта смерть — *смерть-робот*. Не конец человеческой жизни, а просто *определенный этап в действии программы*».

Еще одна область-источник, из которой современные писатели черпают материал для развернутых компаративных контекстов, — это «Наука», в частности «Физика». Такие контексты встречаются, напри-

мер, в романе А. Иличевского «Чертеж Ньютона»: «Судя по обилию легких газов, Вселенная напоминает здоровенный *цеппелин* с микроскопической кабинкой из полезных ископаемых и паразитирующей внутри нее горсткой молекулярной жизни. В то же время количество атомов водорода в нашем теле превосходит число всех остальных элементов вместе взятых. В каком-то смысле мы тоже *дирижабли*, но с признаками жизни в виде органики»; «Мораль рождается, когда один человек ставит себя в зависимость от существования другого, подобно тому как *элементарные частицы связывают свои волновые функции*, подчиняясь неизбежности закона природы. <...> Мир без морали — это мир *корпускул*, которым безразличны другие частицы-личности, они лишь *сталкиваются* между собой, в то время как моральный мир связывает личности в *общую волновую функцию*».

Кроме технических и научных терминов, использование которых в создании метафор и сравнений, в частности развернутых в конструкциях их взаимодействия, — явление, более характерное для современной литературы, в контексты взаимодействия тропов в прозе последних лет включаются и традиционные области-источники метафор, например «Театр». Подобные примеры можно встретить в романе О. Славниковой «2017»: «При этом сама Тамара, в отличие от набранных ею на службу добротных *актеров*, была настоящая. Вокруг нее ежедневно творилось хорошо поставленное, хорошо оплаченное действие, но сама она не имела *роли* в собственном *спектакле*. <...> Среди своих *актеров* Тамара неизменно выглядела лишней, как если бы на *сцену* затесался кто-нибудь из публики: по каким-то неуловимым признакам было видно, что она из жизни».

Взаимодействие тропов может носить интертекстуальный характер. В этом случае они служат средством развертывания «чужих» образных средств. Так, в произведении Е. Евтушенко «Волчий паспорт» развертывается метафора О. Мандельштама *век-волкодав*: «Мандельштам писал: “Мне на плечи бросается век-волкодав”. Мандельштам, да и многих других, этот век безжалостно придушил. Но тогда двадцатый век был еще молодым *волкодавом*, во цвете сил. К счастью для нашего поколения, когда мы, перестав быть детьми, стали молодыми, век-волкодав *постарел*, его *зубы* начали *крошиться*. Он еще время от времени *бросался* на нас, но *хватка* была уже не та. На наше счастье, эпоха явилась к нам не только в образе *волкодава*, но и в образе *волчицы*, *выкормившей нас*. Шестидесятники — это *маугли* социалистических джунглей». В контекст развертывания метафоры *волкодав* затем включается и фразеологизм, являющийся заглавием, — *волчий паспорт*: «Я писал не чернилами, а молоком волчицы, спасавшей меня от шакалов. Не случайно я был исключен из школы с безнадёжной характеристикой — с «волчьим паспортом». Не случайно на меня всегда бросались, чуя мой вольный *волчий запах*, две *собачьи* категории людей, утробно ненавидящие меня, а заодно со мной и друг друга, — *болонки* и *сторожевые овчарки* (профессиональные снобы и профессиональные “патриоты”)».

6. Выводы

Итак, для современной прозы характерно взаимодействие метафор и сравнений разных типов. Оно связано как с формальным варьированием тропеических конструкций, так и с актуализацией семантических отношений компонентов метафор и сравнений. Эта актуализация проявляется в регулярном повторе опорных слов, содержащих общие семантические компоненты, в сочетаемости метафор и сравнений, относящихся к одному семантическому полю, в ассоциативном сближении разнородных образов сравнения и др. Наиболее активно в современной прозе в качестве областей-источников взаимодействующих тропов используются семантические классы «Человек», «Животное», «Еда». Взаимодействие метафор и сравнений в современной русской прозе реализует поэтическую функцию языка (Р. Якобсон, 1975) и концентрирует внимание читателя на средствах выражения, выбранных автором. Взаимодействие метафор и сравнений разных семантических классов способствует дополнительной мотивировке образов и усиливает их яркость.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 19-512-23004 «Метафорическая картина мира современной русской и венгерской прозы конца XX – начала XXI в. (сопоставительный анализ)».

Список литературы

- Баранов А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. №2. С. 55–72.
- Кожевникова Н.А. Об обратимости тропов // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 215–224.
- Кожевникова Н.А. О роли тропов в организации стихотворного текста // Кожевникова Н.А. Избранные работы по языку художественной литературы. М., 2009. С. 455–471.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой. М., 2007.
- Лопаткина С.В. Контекстуальное взаимодействие тропов в современном русском литературном языке (на материале художественной и публицистической речи) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2004.
- Павлович Н.В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М., 2004.
- Петрова З.Ю. Затекстовые знания о мире как основа взаимодействия компаративных тропов в тексте // Текст и подтекст: поэтика эксплицитного и имплицитного : матер. междунар. науч. конф. 20–22 мая 2010 г. М., 2011. С. 66–71.
- Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против» : сб. ст. / под ред. Е.Я. Басина и М.Я. Полякова. М., 1975. С. 193–230.

Об авторах

Наталья Анатольевна Николина, кандидат филологических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, Россия.

E-mail: admin@riash.ru

Зоя Юрьевна Петрова, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Россия.

E-mail: zoyap@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5390-8029

Наталья Александровна Фатеева, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Россия.

E-mail: nafata@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-0916-1161

Для цитирования:

Николина Н.А., Петрова З.Ю., Фатеева Н.А. Взаимодействие компаративных конструкций и их элементов в современной русской прозе // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12, №3. С. 109 – 124. doi: 10.5922/2225-5346-2021-3-7.

INTERACTION OF COMPARATIVE STRUCTURES AND THEIR ELEMENTS IN MODERN RUSSIAN PROSE

N. A. Nikolina¹, Z. Yu. Petrova², N. A. Fateeva²

¹ Moscow State Pedagogical University

119991, Russia, Moscow, Malaya Pirogovskaya, 1

² V.V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences

119019, Russia, Moscow, Volkhonka, 18/2

Submitted March 23, 2021

doi: 10.5922/2225-5346-2021-3-7

The article explores the interaction of comparative constructions in modern prose. The main objective of the study is to determine the types of interaction between metaphors and similes in the texts of modern Russian prose. The material of the study is the works of Buida, Vodolazkin, Ivanov, Ilichevsky, Matveeva, Pelevin, Rubina, Slavnikova, Sokolov, Sorokin, and Stepnova. The authors employed the methods of description, comparison and the structural-semantic analysis and also took into account the semantic field organisation of lexical units. The article distinguishes between formal and semantic interaction of metaphors and similes. The most obvious manifestation of the formal interaction is the reversibility of tropes. Semantic interaction is based on the semantic coordination of elements of comparative constructions based on predicate-actant relations or involves a combination of metaphors and similes in the text based on various relations between elements of the same semantic field. Along with the indicated types of interaction, the article describes cases of multiple images of

one depicted object and representation of different objects in a unified figurative way. These cases are characterized as a special type of interaction of comparative tropes. The article highlights the main source domains of interacting tropes. The most frequent semantic classes of metaphors and similes used in interaction contexts are anthropomorphic, zoomorphic and culinary images. In addition to them, mechanistic (including computer), scientific and theatrical metaphors and similes have been identified. The article shows that the interaction of tropes can be intertextual in a literary text. It is concluded that modern Russian prose is characterized by the interaction of metaphors and similes of different types. This interaction is often associated with the presence of contrast, contextual synonymy, the 'genus – species' relation between images of comparative constructions in a text.

Keywords: metaphor, simile, comparative construction, interaction, formal interaction, semantic interaction, source domain, modern Russian prose

References

- Baranov, A.N., 2003. On types of combinability of metaphoric models. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the study of language], 2, pp. 55–72 (in Russ.).
- Jakobson, R.O., 1975. Linguistics and poetics. In: *Strukturalizm: "za" i "protiv"* [Structuralism: "pro" and "contra"]. Moscow, pp. 193–230 (in Russ.).
- Kozhevnikova, N. A., 1979. On reversibility of tropes. In: *Lingvistika i poetika* [Linguistics and poetics]. Moscow: Nauka, pp. 215–224 (in Russ.).
- Kozhevnikova, N. A., 2009. The role of tropes in organization of poetic text. In: *Izbrannye raboty po yazyku khudozhestvennoi literatury* [Selected works on the language of literature]. Moscow: Znak, pp. 455–471 (in Russ.).
- Lakoff, J., Johnson, M., 2007. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Translated by A.N. Baranov, A. V. Morozova. Moscow: URSS (in Russ.).
- Lopatkina, S. V., 2004. *Kontekstual'noe vzaimodejstvie tropov v sovremennom russskom literaturnom yazyke (na materiale khudozhestvennoi i publitsicheskoi rechi)* [Contextual interaction of tropes in modern Russian literary language (based on fiction and publicistic speech)]. PhD Dissertation. Abakan (in Russ.).
- Pavlovich, N.V., 2004. *Yazyk obrazov. Paradigmy obrazov v russskom poeticheskom yazyke* [The language of images. Paradigms of images in the Russian poetic language]. Moscow: Azbukovnik (in Russ.).
- Petrova Z. Yu., 2011. Extratextual world knowledge as the basis of interaction of comparative tropes in the text. In: *Tekst i podtekst: poetika eksplitsitnogo i implitsitnogo. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 20–22 maya 2010 g.* [Text and subtext: Poetics of the explicit and implicit. Materials of the international scientific conference, May 20–22, 2010]. Moscow: Azbukovnik, pp. 66–71 (in Russ.).

The authors

Dr Natalia A. Nikolina, Professor, Moscow Pedagogical State University, Russia.

E-mail: admin@riash.ru

Dr Zoya Yu. Petrova, Leading Researcher, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: zoyap@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5390-8029

Dr Natalya A. Fateeva, Professor, Chief Researcher, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: nafata@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-0916-1161

To cite this article:

Nikolina, N. A., Petrova, Z. Yu., Fateeva, N. A. 2021, Interaction of comparative structures and their elements in modern russian prose, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 12, no. 3, p. 109 – 124. doi: 10.5922/2225-5346-2021-3-7.